

Мелихов Герман Владимирович

ЧТЕНИЕ КАК УСМОТРЕНИЕ (ЗАМЕТКИ О ВОСПРИЯТИИ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА)

В статье предлагается философский комментарий к идее М. Шелера, касающейся некоторых особенностей восприятия феноменологического текста. Утверждается, что философский текст, кроме прочего, отличается непредметный ("неозначенный") характер сообщения. Философский текст разворачивает действие философствования, которое предполагает смену установки (сначала автора в ходе создания текста, потом читателя в процессе его восприятия), в результате чего нам открывается возможность собственного усмотрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 135-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101:303.01

Философские науки

В статье предлагается философский комментарий к идее М. Шелера, касающейся некоторых особенностей восприятия феноменологического текста. Утверждается, что философский текст, кроме прочего, отличает непредметный («неозначенный») характер сообщения. Философский текст разворачивает действие философствования, которое предполагает смену установки (сначала автора в ходе создания текста, потом читателя в процессе его восприятия), в результате чего нам открывается возможность собственного усмотрения.

Ключевые слова и фразы: философский текст; феноменология; установка на чтение; вопрошание; «неозначенное».

Мелихов Герман Владимирович, д. филос. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
german.melikhov@kpfu.ru

ЧТЕНИЕ КАК УСМОТРЕНИЕ (ЗАМЕТКИ О ВОСПРИЯТИИ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА)

Что мы делаем, когда читаем?

Добываем информацию или развлекаемся. Реже – ищем ответы на волнующие нас вопросы, размышляя вместе с автором книги или статьи¹. Работа с информацией, развлечение и поиск ответа на волнующий нас вопрос имеют разные установки.

«Установка на чтение» – волевая направленность, собранность внимания в свете определенной задачи и совокупности предзаданных условий, некоего усвоенного и присвоенного «взгляда на вещи». Мы смотрим на мир так или иначе, и этот «взгляд», как правило, не находится в нашей собственности. Установка определяет способ действия читателя². Текст, ориентированный на передачу информации, призван экономить наши усилия: выразительная минималистичность окупается в нем полнотой обсуждаемого содержания. «Развлекающий текст», напротив, ведет с читателем игру, цель которой – максимально вовлечь читающего, захватить и удержать его внимание настолько долго, насколько это возможно. Любые средства для достижения этой цели хороши: все должно быть здесь по максимуму – яркость образов, острота подачи материала, неожиданность сюжетных поворотов, привлекательность содержания. Читая такого рода тексты («информирующие» или «развлекающие»), мы либо экономим свои силы, либо расточаем их, но определенно знаем, чего хотят от нас и чего хотим мы. Сложнее дело обстоит с философскими текстами. Что мы делаем, когда читаем их? Добываем информацию? Возможно, но, скорее всего, не это здесь главное. Вдумчивое отслеживание разворачивающейся «на твоих глазах» философской идеи вряд ли сопоставимо со «считыванием информации». Нас главным образом интересует ответ на вопрос «как?», а не «что?». Развлекаемся? Еще более сомнительное предположение, если вспомнить необыкновенно сложные для понимания тексты Плотина, Канта, Гегеля или других известных философов. Хотя и то и другое, разумеется, допустимо и в отношении к философским текстам³. Читатели философских произведений нередко испытывают недоумение: что, собственно, хотел сказать автор? Он не излагает информацию, не спешит поделиться мыслями, да и с выводами он не торопится, предлагая вместо всего этого неторопливое размышление, которое нередко завершается весьма тривиальным итогом. Недоумение и разочарование – частые спутники незнакомых с философией читателей. Но, возможно, мы ждем от философских текстов чего-то, что они нам дать никак не могут. Может быть, дело заключено в нашей установке на чтение, которая изначально не соответствует содержанию философских текстов?

Читая философские тексты, мы, кажется, имеем дело с философией. Нас знакомят с философскими воззрениями, излагают ключевые идеи, приводят аргументы, расставляют акценты, ссылаются на многочисленные источники. В книгах и статьях по философии можно найти «философское содержание», те или иные мнения о ней, заключенные в суждения о разного рода философских предметах. Но допустимо ли отождествлять «мнение о философии» с самой философией? В чем-то мнении выражается отношение к философии, можно ознакомиться и с ним. Не исключено, что в этом мнении содержится и сама философия, но не лучше ли сформулировать *свое* суждение о ней? «Философское содержание», найденное в книгах, выступает ее *знаком* – нам еще предстоит встретиться с тем, на что он указывает. Если мы еще не знаем, что такое философия, как мы узнаем ее в чьих-то рассуждениях? В философских текстах мы найдем знаки философии, но не ее

¹ Впрочем, в поиске информации и в развлечении также могут преобладать задачи интеллектуального порядка: нас может заинтересовать соответствующая информация и соответствующие (интеллектуальные по своей сути) развлечения.

² Автора текста оставим пока в стороне, речь идет исключительно о позиции читателя.

³ Чтение философского текста может приносить интеллектуальное удовольствие и как таковое «развлекать» нас. В философских текстах можно найти и разнообразные «сведения», в том числе касающиеся обсуждаемых в них «идей». Утверждается другое: «дело чтения» философских текстов нельзя свести ни к одному «поиску информации», ни к одному «развлечению», ни к ним обоим сразу.

саму. Вот он, источник недоразумений! Занимаясь поиском информации или развлекаясь, мы исходим из допущения, что в авторском плетении знаков содержится предзаданный смысл – рано или поздно в той или иной книге мы найдем его. Читая философские тексты, мы вынуждены признать: для того, чтобы понять смысл ключевого философского термина, требуется что-то еще кроме него самого. Философия содержится в философских текстах как *неозначенное* – непредметное, неопределимое, не сводимое к тому или иному содержанию. Искомое в философской книге или статье – не содержащееся в ней. Количество прочитанных книг, философская эрудиция не свидетельствуют о произошедшей встрече. Смысл философского сообщения не укладывается ни в один, ни в множество текстов, проходит сквозь них, выходя «наружу» и охватывая собой данный или любой возможный текст. Следовательно, требуется что-то еще, кроме самого текста. Что же?

Если мы уже не знаем, что это такое – философия, нам трудно понять философский текст. Именно так считал М. Хайдеггер. Вот книга по истории философии. Казалось бы, именно там – в своей истории – обитает философия! Почему же мы ничего не понимаем? Смысл отдельных терминов и фраз нам, возможно, ясен, но в целом все как-то зыбко и окутано туманом. И на автора мы никак опереться не можем. Вместо помощи – вносящей ясность подсказки – нам предлагают новый термин, мало что объясняющий, или следующий шаг в рассуждении, нить которого и так едва нами удерживается. Похоже, с нами не готовы считаться. Автор упрямо проводит свою мысль; он философствует, думая, скорее всего, наивно, что на это способны и мы. «Неозначенное» – действие философствования, частью которого являются различные философские мнения. «Философия есть философствование» [2, с. 85]. Наше, человеческое дело, «мое» или «твое». Не подобает ли нам перво-наперво всмотреться в себя. Действие философствования обращает нас к «себе». Когда-то такое решение в один день принял другой философ – Р. Декарт. «После того, как я... приобрел некоторый запас опыта, я принял в один день решение изучить самого себя и употребить все силы ума, чтобы выбрать пути, которым я должен следовать» [1, с. 16]. Философствование – дело, позволяющее выбрать должный путь и держаться его. «Должный путь» пролегает и «через» нас. Всматриваясь в себя, мы, возможно, разглядим что-то и вовне, – по крайней мере, увидим, на *что* и *как* мы смотрим. Возможно, мы видим только то, что понимаем¹. Как увидеть то, что лежит вне нашего понимания? Неужели самопонимание – единственное, на что мы способны? Впрочем, не так уж это и мало – знать себя. Ясно одно: восприятие ограничено установкой как «заданным взглядом». Философствование как наше дело обязывает всматриваться в собственные «предвзятости», стоящие на пути.

Мы понимаем – вторит Р. Декарту М. Хайдеггер – то, что *уже* понимаем. Нам не удастся почувствовать, что такое философия, «если мы заранее уже этого не знаем» [2, с. 84]. Философствование – хождение по кругу: от себя к тексту, от текста к себе. В книге мы вычитаем лишь то, к чему уже пришли сами. Наше восприятие оказывается открытым для воспринимаемого, если оно еще прежде было захвачено нашим вопрошанием. Встречу с автором подготавливает вопрошание, касающееся собственной установки. Что мы делаем, когда читаем философские тексты? Разворачиваем вопрошание. В этом «разворачивании» проявляется и поиск ответа, и, возможно, еще более – *углубление* вопрошания. «Неозначенное» в философском тексте – философствование как работа по углублению своего вопрошания. Смысл философского текста актуально проявлен в этой работе. Мы вынуждены «углубляться», снова и снова разворачивая вопрошание, ибо обращены к тому, что чрезвычайно трудно (и едва ли возможно) «схватить» и «удержать» в восприятии.

Спросим: что следует считать «ответом» на философский вопрос? Вот извечные темы философствования: Бог, мир, истина, благо, красота. Найти ответ – доказать существование Бога, мира, красоты, истины? В какой-то мере да. Но главное все же другое: установление контакта. Не в этом ли состоит смысл «доказательства»? Неужели мы прибегаем к доказательствам только для того, чтобы «раскрыть кому-то глаза»?

«Основанная на феноменологии философия, – писал М. Шелер, – это живейший, интенсивнейший и непосредственный, происходящий в переживании контакт с самим миром – т.е. с теми вещами, с которыми в том или ином случае имеют дело» [3, с. 199]. Философский текст, созданный в феноменологической установке, указывает на мир, на необходимость установления контакта. Но это-то как раз и остается без внимания. В философском тексте ищут «информацию» – содержание тех или иных идей или понятий. Смысл философского текста говорит не только о воспринимаемых вещах, но и *контакте*.

Читая разнообразные тексты, мы узнаем о том, что в них обсуждается: о разных предметах и событиях, людях и странах, мыслях и состояниях, но желательно, чтобы «узнанное» истоком имело контакт. Ценность сообщаемого знания для читателя определяется возможностью контакта автора с тем, о чем он рассказывает. Контакт придает достоверность сообщаемому, но он в ходе чтения философского текста может не приниматься в расчет – достаточно и обычных «сведений»! Реализованный автором контакт – предполагаемый контекст произведения, о нем мало что говорит в философском тексте. Разве что он усиливает воздействие статьи или книги на нас достоверностью, убедительностью своих положений.

Контакт – форма индивидуального опыта: это мы встречаемся с чем-то, мыслим, переживаем. Установить контакт не так-то просто. Часто препятствием выступаем мы сами – наши предвзятые представления и мысли. Когда-то мы решили, что мир устроен именно так, а не иначе. Философское вопрошание призвано помочь установить контакт. Нас спрашивают: так ли это? Почему мы думаем, что предлагаемый нами расклад событий соответствует их реальной связи? Мы видим то, что понимаем. В философском тексте часто мы высматриваем «родственное» себе. Контакт свидетельствует об открывшейся возможности увидеть то, что не укладывается в наше понимание.

¹ Кажется, Гёте принадлежит афоризм: каждый слышит лишь то, что он понимает.

Философское вопрошание помогает сменить установку. Добротный философский текст поступает с нами именно так: бесцеремонно вторгается в чужую жизнь и вопрошает, требуя обратить внимание на структуры нашего восприятия и формы понимания. Разворачиваемое философское рассуждение служит не цели «приведения» читателя к определенному значимому для автора выводу. Напротив, от нас ждут не согласия, а нахождения такого «положения», при котором философское рассуждение поможет установить собственный контакт с тем, что является важным для автора. И это достижимо лишь смещением своей «точки зрения». Философское рассуждение поддерживает начинание изменения (установки) ради установления контакта.

Пожалуй, М. Шелер говорил об этом, обращая внимание на типичный случай непонимания особенностей феноменологической установки (на чтение философского текста). В. Вундт упрекает Э. Гуссерля в том, что тот в своих «Логических исследованиях» ничего не утверждает, только все отрицает и в результате приходит к тривиальному выводу-тавтологии. Феноменологическую книгу, – отвечает на критику В. Вундта М. Шелер, – «следует читать в совершенно *другой установке*» [Там же, с. 211]. Не стоит искать в ней сообщений о наблюдениях или доказательствах. Смысл феноменологического рассуждения состоит в другом: «дать читателю (или слушателю) возможность *усмотреть* нечто, что по своей сущности только и может быть усмотрено, и для усмотрения чего все положения, которые содержатся в книге... выполняют лишь функцию указателя, который свидетельствует о том, что еще нужно усмотреть. Но в самой книге оно может никогда и не встретиться – ни в одном из ее суждений, понятий, дефиниций» [Там же, с. 211-212]. Все рассуждения и «тавтологии» говорят читателю: смотри теперь сам, и увидишь!

Чтение философского текста – подготавливающее разворачивание вопрошания. Можем ли мы увидеть то, что лежит за гранью нашего понимания? Философствование – хождение по кругу. Чужая мысль, запечатленная в знаках, – повод поставить под вопрос себя, свой способ видения. Главное в философском тексте находится в тени его содержания. Нам предлагают подумать: а не являемся ли мы теми, кто находится в «тени» обсуждаемого философского содержания? Не стоит ли нам вывести себя из тени, но лишь для того, чтобы оставить себя? Философствуя посредством чтения феноменологического текста, мы ищем не согласия или несогласия, а контакта с тем же, что является важным и для автора. От нас требуют *своего* усмотрения. Мы еще не установили контакт с миром и/как собой; мы еще не привели себя, философствующих, в равновесное состояние, в котором то, с чем мы имеем дело в настоящий момент, в каких-то важных своих свойствах неотделимо от нас, возможно, сумевших хотя бы немного отдалиться от «своего». Ведь то, что мы ищем, – последнее, конечное, или то, что пребывает рядом, ближайшее, – не сводится к смыслу знаемых нами слов, терминов, образов; не сводится оно и к «нашему пониманию». Вопрошая снова и снова, мы «углубляемся» и подготавливаем себя, раскрываясь возможному опыту усмотрения.

Список источников

1. **Декарт Р.** Рассуждение о методе // Декарт Р. Рассуждение о методе. С приложениями «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия». М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 9-66.
2. **Хайдеггер М.** Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В. В. Бибихина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. С. 80-170.
3. **Шелер М.** Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

READING AS DISCRETION (NOTES ON PHILOSOPHICAL TEXT PERCEPTION)

Melikhov German Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
german.melikhov@kpfu.ru

The article suggests a philosophical commentary on the idea of M. Scheler, concerning certain features of phenomenological text perception. It is alleged that the philosophical text, among other things, is distinguished by the non-subject (“unrecognized”) nature of the message. A philosophical text develops the act of philosophizing, which involves changing the purpose (first the author during the creation of the text, then the reader in the process of its perception), as a result of which we are given the opportunity of our own discretion.

Key words and phrases: philosophical text; phenomenology; aim at reading; interrogation; “unrecognized”.